

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА*

Федоренко Н.П., Дементьев В.Е., Гофман К.Г.,
Львов Д.С., Макаров В.Л., Овсиенко Ю.В.,
Перламутров В.Л., Петраков Н.Я., Сухотин Ю.В.

(Москва)

Статья посвящена разработке концептуального содержания экономического прогресса и понятийного аппарата, позволяющего адекватно отразить проблему хозяйственного развития в современной сложной социальной среде. Выдвигается и аргументируется позиция, согласно которой предпосылки прогресса не сводятся к вещественным и технологическим характеристикам ресурсов, способов производства, обмена и т. д.

1. НАКОПЛЕННОЕ БОГАТСТВО ОБЩЕСТВА

Сущность богатства, законы его производства и распределения стали предметом исследований экономистов еще со времен А. Смита. По словам Дж.С. Милля, он "...во все века неизбежно оказывался в центре практических интересов человечества и иногда даже неоправданно поглощал все внимание" [1, с. 31].

И хотя современная политическая экономия далеко ушла от изначального понимания своего предмета, все же изучение "богатства народов" остается для нее важным. Его значение особенно возрастает в условиях, когда очевидна острая необходимость поиска путей и средств наиболее рационального, эффективного использования накопленного национального богатства (НБ) страны для преодоления экономического и социального кризиса и на этой основе — для повышения уровня благосостояния и культуры советского народа. И, конечно, не менее важно найти возможности наращивания НБ, обеспечения достойной жизни людей.

Подчеркивая классовый характер капиталистической экономики, Ф. Энгельс в первые годы своей научной деятельности утверждал, что понятие НБ придумано либеральными экономистами, ибо есть богатство только частных владельцев и нет общего, национального. "Пока существует частная собственность, — писал он, выражение это не имеет смысла" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 548]. Но, по-видимому, и для капиталистического хозяйства НБ, как и различия между народами "бедными" и "богатыми", далеко не абстрактные категории. Это реальность, хотя история знает и такие случаи, когда из-за крайне несправедливого распределения и других обстоятельств "богатый" народ может жить бедно.

В классической политической экономии XIX в. богатство уже совершенно четко подразделялось на: богатство индивидуума, общественной группы и, наконец, народа, точнее — нации, объединенной самостоятельной государственностью.

Современные западные экономисты, исследуя НБ, как правило, исходят из определения его как совокупности благ, которые могут обмениваться на деньги и другие

* В порядке постановки.

полезные блага, и сосредоточивают внимание на выявлении его состава, а также на выработке методов статистической оценки национального (народного) богатства.

Исчисление показателей НБ ведется в разных странах многие десятилетия, если не столетия. Соответствующие данные анализируются, сопоставляются и т. д. Между тем само это понятие вызывает дискуссии, охватывающие существенно более широкий круг явлений и объектов, и прежде всего по той причине, что не все они могут быть оценены численно (или пока не могут быть, тогда как в перспективе их количественное измерение возможно).

В публикациях, где исследуется НБ, характерно также смещение затрат и результатов, против которого, как известно, очень убедительно выступал В.В. Новожилов. Не внявшие его предупреждениям, например современные авторы, выражаются так: "Элементом богатства социалистического общества являются... затраты труда, реально накопленные в духовном богатстве в форме высокого уровня развития образовательной и профессиональной подготовки совокупного работника" [2, с. 16]. Но не затраты труда, а их результаты, выразившиеся в том, о чем справедливо пишут авторы, служат реальным богатством общества. Более того, затраты вообще не накапливаются, накапливаются лишь их результаты. Намного точнее сформулировал аналогичный тезис А.Л. Вайнштейн, утверждая, что "все продукты труда, имеющиеся в стране на определенную дату, представляют элементы народного богатства" [3, с. 53]. Здесь есть еще один аспект. Безусловно, затраты, связанные с повышением культурного и образовательного уровня работников, имеют значение для наращивания НБ. Но почему же не принимается во внимание весь потенциал человека, его генетические способности и таланты, физические возможности?

Если попытаться проследить, как изменялось в науке представление о совокупности элементов, учитываемых в составе НБ, то можно обнаружить тенденцию к расширению этой совокупности. Последователи А. Смита основывались, гласно или негласно, на посылке, что НБ составляют только деньги или драгоценные металлы, которые, если они еще и не выступают в форме денег, можно прямо превратить в деньги [1, с. 82].

В XIX в. под НБ стали подразумевать материальное, вещественное достояние народа.

В настоящее время основные дискуссии в данной сфере происходят вокруг отнесения или не отнесения к составу НБ таких его элементов, как природные ресурсы и — по терминологии современной западной теоретической экономики — "человеческий капитал". В связи с последним можно говорить о трудовом, интеллектуальном, образовательном потенциале общества. В этом смысле тревожное явление "утечки мозгов" из СССР, вызванное деформациями в системе оплаты труда, искривлениями в национальной политике и другими обстоятельствами, означает прямой вычет из НБ советского народа.

Вопрос о включении природы, природных ресурсов в НБ решается до сих пор неоднозначно в нашей экономической литературе. Если отбросить нюансы в подходах к этому вопросу, он сводится к проблеме труда как источника НБ, а природы — как условий труда. Противники введения естественных ресурсов страны в состав ее НБ исходят из того, что единственный источник образования богатства — труд. Опираются при этом на известное высказывание К. Маркса: "Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа, и в качестве таковой не является социальным богатством" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 446].

Сегодня это положение устарело. Природа далее не может рассматриваться как нечто, не зависящее от человеческой деятельности. Теперь мы в возрастающей степени имеем дело не с природой, а со все более враждебной человеку окружающей средой — последствиями его нерегулируемого воздействия на природу. Полезные результаты общественного труда — антропогенное общественное богатство — все более обесцениваются вследствие антропогенной же деградации природы. Поэтому "на баланс" общественного богатства необходимо ныне зачислять и все природные объекты, изменяющие свое естественное состояние под прямым или косвенным воздействием человека.

Кроме того, противники учета природных благ в составе общественного богатства, как правило, оценивают любое вещественное богатство через затраты труда, а не по его общественной полезности: "Только труд выступает в качестве универсальной меры этого богатства, способной количественно выразить всю совокупность его элементов независимо от специфики их материального содержания и социальной формы движения" [2, с. 9]. Таким образом, можно обнаружить прямо-таки анекдотические предложения практических методов оценки НБ, например: "Выражением величины общественного богатства в накопленных затратах труда мы называем произведение стоимости основных элементов богатства на нормы полной трудоемкости строительно-монтажных работ и продукции промышленности (годовых работников/1 млн. руб.)" [2, с. 38]. Некоторые авторы включают в состав НБ собственно труд нации, хотя, пользуясь общепринятой терминологией, труд относится к "потокам", а богатство — к "резервуарам", и, следовательно, такое утверждение лишено смысла.

Часть экономистов решительно склоняются к той точке зрения, что богатство состоит из потребительных стоимостей, созданных не только трудом, но и дарованными природой. Под давлением очевидных фактов многие сторонники "формально-трудовой" концепции идут на компромисс: допускают включение природных ресурсов в состав НБ, но лишь в той части, к которой приложен труд (разведанные месторождения полезных ископаемых, расчищенные леса и т. п.). Получается, например, что месторождение, на поиск которого затрачено больше труда, более весомо, чем случайно найденное, но куда более ценное и крупное, а таких случаев, как известно, сколько угодно.

Пора, видимо, окончательно отделить вопрос об источниках НБ (одним из которых являются затраты труда) от проблемы состава этого богатства как совокупности материального и духовного достояния народа. Реальная стоимостная оценка НБ при этом может опираться не на принятый в настоящее время затратный принцип ценообразования, а на рынок. Это станет возможным, когда в стране начнут действовать рыночные отношения. Можно предвидеть немало теоретических и практических трудностей, которые возникнут при такой оценке, но путь, по нашему мнению, пролегает именно в этом направлении. Необходимо также более активное включение советской экономики в мирохозяйственные процессы, в мировой рынок. Без этого страна не будет иметь строго объективной оценки народного богатства.

В настоящее время в статистике принята точка зрения, в каком-то смысле близкая к указанному компромиссу: НБ есть общая стоимость всех производственных и непроизводственных фондов в народном хозяйстве, разного рода запасов и резервов, личного имущества. В отечественных статистических справочниках делается стыдливая оговорка "без стоимости земли, недр и лесов...". Причина: природные ресурсы учитываются нашей статистикой лишь в натуральном выражении, рынок природных богатств полностью отсутствует.

В условиях развитой рыночной экономики имеется надежная база для калькуляции ценности природных богатств в системе национального счетоводства. Ряд искусственных допущений и трудно проверяемых гипотез, необходимых для многочисленных (но мало применявшихся в хозяйственной практике) попыток денежной оценки природных ресурсов в рамках "безрыночной" административно-командной системы, излишни при нормально функционирующей рыночной экономике.

Но и в развитом рыночном хозяйстве определение денежной оценки природных ресурсов в составе НБ наталкивается на две сложности принципиального порядка: во-первых, часть природных ресурсов, являющаяся национальным достоянием, вообще не может иметь денежной оценки, поскольку оно не должно быть предметом рыночных, товарно-денежных отношений (см. ниже). Во-вторых, даже та часть природных богатств, хозяйственное освоение которой не противоречит требованиям сохранности национального достояния, может быть оценена в денежном выражении лишь с большой долей условности. Оцениваются, как правило, не природные богатства как таковые, а объекты природопользования — природные ресурсы, "сросшиеся" с производственными фондами, необходимыми для утилизации этих ресурсов (шахты, дороги, мелио-

ративные сооружения и т. д.). Вычисление ценности природных ресурсов как таковых из совокупной оценки объектов природопользования может быть также весьма условным. Еще большая неопределенность возникает при оценке будущей эффективности использования природных богатств, без чего невозможно определить их современную денежную стоимость в составе НБ.

Национальное богатство — элемент общественного воспроизводства. Изучение динамики НБ, изменения его структуры нужно для управления всяким обществом.

Чем полнее используется экономический потенциал общества, тем, при прочих равных условиях, быстрее наращивается НБ. Это находит свое выражение в накапливаемой части национального дохода. Следовательно, норма накопления — важный параметр, определяющий темп прироста НБ, прежде всего производственных и непроизводственных фондов. Рост производительности труда определяет в значительной мере эти темпы. В современных условиях важнейшим фактором умножения богатства являются продукты человеческого интеллекта — наука, преимущественное развитие наукоемких производств, коренное совершенствование технологий, применяемых во всех отраслях экономики. Вовлечение в хозяйственный оборот ранее неизвестных и неосвоенных природных ресурсов также наращивает НБ. Эффективность экономики в решающей степени зависит от организации хозяйственного механизма, выбора его оптимальной структуры. В свою очередь, непроизводственные фонды как часть богатства, обеспечивающая уровень жизни народа, развитие человеческой личности, тоже имеют два источника, являясь и результатом труда, и даром природы.

Таким образом, НБ в каждый момент есть продукт труда многих поколений, включая труд по вовлечению природных ресурсов в хозяйственный оборот. Накопление его складывается из объемов конечной продукции общественного производства за исследуемый период плюс результаты некоторых внешних для экономики страны процессов (см. ниже). Разумеется, эта оценка должна быть скорректирована на величину сокращения богатства за тот же период. Выбытие части НБ, аналогично сказанному, можно рассматривать как антропогенное или же естественное. Антропогенное прежде всего связано с НТП, моральным, а также физическим износом основных фондов (имеется в виду смена поколений техники, которая приводит к выбытию из НБ поколений старой техники; это же относится и ко многим видам потребительских благ). Исчерпание невозпроизводимых природных ресурсов и другие нарушения окружающей среды в результате жизнедеятельности человека сокращают природную составляющую НБ. Крупнейшим разрушительным фактором являются войны.

Естественное сокращение НБ обусловливается и природными катастрофами (землетрясениями и т. п.), не связанными с жизнедеятельностью человека. Впрочем, не везде разделение возможно: многие естественные явления в настоящее время бывают опосредованными последствиями человеческой деятельности (озонная дыра, парниковый эффект и т. д.). Однако размеры ущерба, наносимого стихийными бедствиями, во многом зависят и от нее, например, от качества строительства (пример — землетрясение в Армении 1988 г.).

Вместе с количественными, объемными изменениями НБ меняется и его структура. И здесь открывается весьма благодатное поле для исследователей, причем почти целина. В первом приближении, в самом общем плане, наблюдается некоторое смещение общественного понимания приоритетов изучения, косвенно отражающее, по нашему мнению, динамику структуры НБ. Что считалось основным богатством, в частности, в докапиталистических формациях? Земля и все, что было с ней связано. В дальнейшем ее место занял капитал — в форме производственных фондов, денежных накоплений и т. п. А ныне мы являемся свидетелями опережающего роста интеллектуального потенциала общества как важнейшего элемента НБ.

Распределение НБ — одна из главных сторон проблемы социальной справедливости. Соответствующие практические меры экономической политики государства должны определяться конечной целью воспроизводства и накопления НБ — возможным улучшением жизни нынешних и будущих поколений.

В конечном счете экономическая деятельность сводится к пополнению, распределению и использованию народного богатства данного общества для удовлетворения потребностей его членов в жизненных благах.

С точки зрения источников образования НБ можно с известной мерой условности разделить на: созданное трудом и интеллектом данного народа; взятое у других народов, например, путем неэквивалентного обмена или колониального грабежа и дарованное природой (в НБ входит часть природы, не являющаяся общемировым достоянием человечества и не принадлежащая другим государствам).

Первая компонента, безусловно, решающая. Прежде чем обратиться к ней, сделаем необходимые пояснения по второй и третьей.

Известно, как существенно увеличилось достояние некоторых европейских стран в процессе колонизации. Испанские конкистадоры везли на родину галеоны, полные перуанского золота, английские завоеватели Индии пополняли казну несметными количествами драгоценных камней, миллионы французских рантье множили свои капиталы за счет эксплуатации Суэцкого канала, а, например, неотъемлемая часть НБ немецкого народа — находки великого археолога Шлимана в Трое — на самом деле не что иное, как награбленное у другого народа имущество. Так что внешняя экспансия в той или иной форме позволила некоторым странам существенно нарастить свое НБ, и этого нельзя не учитывать при любом сравнительном анализе. По-видимому, уместно было бы также с учетом всего сказанного подразделять природные богатства на две категории: практически используемые и потенциальные (латентные). Это снимет многие разногласия исследователей, причем естественно возникает задача возможно более эффективного перевода второй категории в первую.

2. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Наряду с традиционным пониманием НБ, включающим лишь те составляющие потенциала общества, которые могут быть измерены в денежной форме, целесообразно, на наш взгляд, пользоваться и обобщенным его пониманием, в состав которого входит национальное (общественное) достояние — ОД. Последнее включает наиболее ценную, суперприоритетную часть общественного богатства, своего рода "генофонд", "золотой запас" материальных и духовных ценностей, с утратой которых данное общество (социальная, национальная общность) перестает существовать как особая, неповторимая часть социума.

В составе ОД можно выделить его материальную составляющую и систему социальных гарантий существования (благополучия) общества в целом и его отдельных членов. В материальную составляющую ОД входят материальная база интеллектуального воспроизводства (науки, образования), важнейшие материальные носители (памятники) культуры общества — его "общественная" историческая память — и природная среда его обитания, или экологические блага.

Система социальных гарантий существования общества в целом и его отдельных членов включает институционально закрепленный комплекс гарантий жизнеобеспечения общества — его безопасности, включая сохранность и приумножение материальной составляющей ОД, общественных и личных свобод и прав.

Естественно, что содержание и эффективность социальных гарантий в различных обществах сугубо различны. Набор суперприоритетных общественных ценностей по своей природе консервативен, изменение его — процесс весьма сложный и болезненный. Признаком суперприоритетности социальных ценностей, их вхождения в ОД, является их институциональная гарантированность (защищенность). Типичными суперприоритетными ценностями в современных обществах выступают различные виды безопасности — государственная, социальная, личная, экологическая.

Материальное ОД как особая, "неприкосновенная" часть общественного богатства по своей сути не может быть объектом любых форм собственности, включая и государственную. Эта особенность природных благ как элемента ОД была отмечена К. Марксом. "Даже целое общество, нация и все одновременно существующие общества, взя-

тые вместе, — писал он, — не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею и, как *boni patres familias*, они должны оставить ее улучшенной следующим поколениям” [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 337]. Действительно, исключительное право неограниченного распоряжения объектом, или собственности на него, применительно к материальным объектам ОД в большинстве случаев суживается до всеобщего и равного права пользования им на условиях неприкосновенности (сохранности) объекта*. Исключение значительной части материального ОД из сферы отношений собственности одновременно означает его исключение из сферы товарно-денежных отношений. Материальные составляющие ОД не поддаются денежной оценке. Поэтому, например, вряд ли следует признать подлинно научными попытки оценить в деньгах Байкал, памятники культуры, как и любые другие элементы. И хотя многие из них могут иметь экономическую оценку как части НБ, такая оценка неизбежно будет односторонней. При этом не следует забывать, что подобной оценкой можно пользоваться лишь, если оцениваемый объект сохраняется как элемент ОД, т. е. при выполнении экологических лимитов на его расход (использование). Учет этого обстоятельства требует разработки новых подходов к определению денежной оценки такого рода элементов традиционного общественного богатства. Если говорить о природных ресурсах, то представляется бессмысленным включать в состав денежной оценки традиционного богатства весь запас леса или весь объем воды в Байкале исходя из оценки эффективности хозяйственного использования единицы (малой порции) соответствующего ресурса, хотя при таком “счете” и получаются величины, измеряемые триллионами рублей. Поэтому наиболее ценные элементы общественного достояния, хозяйственное использование которых лимитировано их введением в “неприкосновенную” часть общественного богатства, могут иметь нулевую или весьма низкую денежную оценку.

Иное дело, когда речь идет об оценке хозяйственно доступной части ресурса (в размерах экологически безопасной расчетной лесосеки, экологически лимитированного забора воды и т. п.). Эта, обычно малая по сравнению с наличным запасом, часть ресурса может и должна быть учтена как элемент национального богатства (в узком смысле) и может выступать основой для установления арендных плат за природопользование, договорных цен при смене форм владения и способов использования природных ресурсов и т. п.

В реальной жизни разграничение между материальным общественным достоянием и “обычным” богатством предопределяется господствующим способом производства, уровнем развития производительных сил, многообразными конкретно-историческими условиями функционирования общества, его традициями, особенностями общественной психологии и т. п. Граница между ОД и традиционным материальным богатством — объектом собственности, как правило, достаточно размыта и изменчива, хотя сам по себе набор суперприоритетных общественных ценностей, повторяем, довольно консервативен. Регулирование пользования общественным достоянием на протяжении истории осуществлялось чаще всего либо церковью, либо государством, или обоими институтами совместно. В современную эпоху к этому процессу все активнее подключаются общественные организации.

ОД как особый вид богатства представляет собой весьма сложный феномен. Одни и те же материальные ценности на протяжении веков из обычных объектов собствен-

*Принципиальное значение имеет, по нашему мнению, исключение ряда материальных объектов ОД из сферы любой, в том числе и государственной, формы собственности. Право неограниченного распоряжения государства (в лице его органов власти) объектами государственной собственности слишком часто имело своим следствием передачу “на законной основе” самих объектов в хозяйственное пользование, государственное санкционирование “ослабления” экологических и других нормативов и т. п. Материальные объекты, имеющие статус ОД и институциональные установления, направленные на их сохранность, должны находиться не в чьей-либо собственности, а в строго регламентированном (подлежащем пересмотру высшими органами законодательной и судебной власти лишь в исключительных случаях) режиме охранительного пользования.

ности превращались в ОД (памятники материальной и духовной культуры, природные объекты и т. п.). Другие же, наоборот, теряли статус ОД и становились обычным объектом собственности и неограниченной купли-продажи или даже уничтожения (предметы религиозного поклонения в руках иноверцев). История изобилует попытками узурпации ОД со стороны государства, отдельных классов, социальных групп и индивидов, превращения его из общедоступного общественного блага в товар.

Наконец, само по себе ОД не есть просто конгломерат социальных ценностей. Это — иерархически организованная структура, комплекс бесконечно больших ценностей разного порядка. На верхних ступенях — материальные носители общечеловеческих, глобальных ценностей — биосфера земли как среда обитания человека, уникальные культурно-исторические памятники общечеловеческого значения и социальные институты, гарантирующие их сохранность. На низших ступенях — материальные носители ОД малых этносов и "внутриэтнических" групп со своими "экологическими нишами", памятниками материальной культуры, социальными институтами, гарантирующими их сохранность.

Во всех случаях речь идет об уникальных материальных объектах и социальных институтах, входящих в состав суперприоритетных социальных ценностей. Суперприоритеты одного общества (социальной группы) отнюдь не являются таковыми для другого, более того, они могут считаться бессмысленными и вредоносными. Конфликты, возникающие в связи с противоречиями суперценностей, как правило, наиболее глубокие и трудно разрешимые. Здесь невозможны какие-либо рецепты, претендующие на универсальность. Отметим лишь, что разрешение конфликтов, затрагивающих судьбы ОД, невозможно в рамках децентрализованного взаимодействия одноуровневых общественных структур, отношений собственности и товарно-денежных механизмов, рыночного оборота и т. п.

Рыночные механизмы саморегулирования, основанные на соизмерении (сопоставлении) конечных величин, становятся малодейственными, когда речь идет об обеспечении приматов общечеловеческих ценностей над суперценностями "меньшего порядка бесконечности". На помощь "невидимой руке" А. Смита неизбежно должны придти иные, осознанно и целенаправленно формируемые социальные механизмы согласования интересов. Здесь уместно вспомнить слова К. Маркса: "Культура, — если она развивается стихийно, а не направляется сознательно ... оставляет после себя пустыню" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 45].

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Рассмотрение категории НБ под углом зрения составляющих его факторов приводит к понятию социально-экономического потенциала общества, взятому экономистами из арсенала физической науки, где оно означает способность системы совершать работу. "Работа" экономической системы заключается в производстве общественно полезных благ, т. е. в увеличении общественного богатства. Соответственно, социально-экономический потенциал характеризует способность народного хозяйства к увеличению общественного богатства, экономический — к производству общественной потребительной стоимости — производственной мощности экономической системы. Речь идет о максимально возможном выпуске потребительских благ при заданном состоянии экономической системы. В качестве индикатора экономического потенциала обычно используют показатель произведенного физического объема национального дохода, который в действительности отражает скорее производственный, чем экономический потенциал. Последний определяется не всеми производственными возможностями экономической системы, а лишь той ее частью, которая реализуется в удовлетворении общественных потребностей или, иными словами, в приращении общественной полезности. Способность экономической системы к производству некоторого количества благ сверх общественной потребности не должна учитываться в экономическом потенциале. Скажем, наращивание производства стали сверх общественных потребностей или со значительным ущербом для среды обитания человека, превышающим

приращение общественной полезности, несомненно, увеличивает производственный потенциал, но уменьшает экономический вследствие неэффективного связывания ограниченных ресурсов.

Категория экономического потенциала характеризуется взаимодействием производительных сил и производственных отношений, составляющих единую экономическую систему. С одной стороны, при заданном уровне развития производительных сил потенциал такой системы определяется производственными отношениями. История оставила нам опыт нескольких относительно чистых экспериментов, свидетельствующих о существенном изменении рассматриваемого потенциала в результате изменения производственных отношений при одном и том же уровне развития производительных сил. Пожалуй, наиболее яркий из таких примеров — коллективизация сельского хозяйства в СССР, повлекшая столь резкое снижение экономического потенциала, что богатейшую по сельскохозяйственным ресурсам страну охватил голод. В качестве других примеров можно привести возрождение рабского труда в фашистской Германии или сопоставление производительности принудительного и вольнонаемного труда на заводах XVIII в. в России и Англии. О роли производственных отношений в формировании экономического потенциала свидетельствуют многочисленные эксперименты по внедрению новых форм организации производства в нашем хозяйстве. Передача государственных предприятий в аренду или организация на их основе кооперативов сопровождается, как правило, существенным повышением эффективности использования того же количества ресурсов.

С другой стороны, при заданной системе производственных отношений экономический потенциал зависит от уровня развития производительных сил. Хорошей иллюстрацией могут служить различия в экономическом потенциале (приведенном к одному усредненному жителю) наших союзных и автономных республик.

Таким образом, понятие экономического потенциала характеризуется двойственностью. Применительно к производительным силам (потенциал производительных сил той или иной экономической системы) он определяется производственными отношениями, а применительно к производственным отношениям — возможно достижимым в их рамках уровнем развития производительных сил.

Экономический потенциал в свою очередь можно расчленить на факторы производства. Традиционно к ним относятся труд, земля и капитал. В последнее время явно выделился информационный потенциал, ибо информация превратилась в один из важнейших источников общественного богатства. В нынешних условиях правомерно также говорить и об интеллектуальном потенциале общества.

В последние десятилетия в связи с информатизацией и интеллектуализацией общественного производства, "превращением науки в непосредственную производительную силу", в качестве самостоятельного фактора производства и быстро растущего по значимости источника общественного богатства стала рассматриваться информация и знания. Для современной экономической мысли характерен отход от исключительной значимости отдельных факторов производства. Исследования источников общественного богатства концентрируются, главным образом, вокруг вопросов относительного влияния того или иного фактора на общественное богатство. Соотношение экономической ценности отдельных факторов производства не остается неизменным.

Так, на протяжении XVI—XIX вв. возростала экономическая ценность живого и овеществленного труда. Со второй половины XX в. нарастает ценность научно-технической информации. Наука становится в полной, можно даже сказать в решающей, степени непосредственным фактором развития производства. Исследования и разработки все заметнее стали проникать в непосредственную материальную ткань производства. К середине XX в. научно-исследовательская лаборатория становится важным подразделением хозяйственной организации; происходит слияние науки и производства. Затраты на исследования и разработки все более значимы в общих издержках производства промышленной продукции. К настоящему времени объем этих затрат в таких определяющих современное технико-экономическое развитие сферах производственной деятельности, как электротехническая промышленность, электроника, приборо-

строение, авиакосмическая промышленность и другие, превышает капитальные вложения, направляемые на реконструкцию и развитие производства. Если же учесть возрастающие расходы на обучение, подготовку и переподготовку кадров, информационное обеспечение производства, то суммарные издержки, связанные с поддержанием интеллектуального и научно-технического потенциала общества, окажутся существенно большими, нежели затраты на производственное накопление.

Вместе с ростом доли расходов на образование и на научные исследования и разработки в структуре затрат общественного воспроизводства, растет и значение информации и знаний в создании общественного богатства. Труд, вооруженный знаниями и информацией, становится в современных условиях развития производительных сил наиболее значительным, дорогостоящим ресурсом. Наибольшую ценность он приобретает, когда соединяется с творческими способностями человека и генерирует новую общественно-полезную информацию.

В технизированных подходах люди, работники трактуются только как средства производства, трудовые ресурсы, которые в определенных комбинациях с вещественными факторами (природными ресурсами, сооружениями, оборудованием и запасами) образуют производственный потенциал экономики — мерило ее мощи и качества.

Такой подход заведомо неполон, однокбок. При одних и тех же "объективных" характеристиках материального и трудового потенциала действительные результаты, качество работы и возможности народного хозяйства могут чрезвычайно сильно различаться в зависимости от того, как относятся работники к своему делу, каковы их активность, инициатива, добросовестность и другие качества. Личностный аспект — важнейшая специфика "человеческого фактора" как главной производительной силы общества. Будь то высший хозяйственный руководитель, или самый "низовой" исполнитель, его действия отличаются от функционирования всех прочих элементов производительных сил именно своей активностью — способностью сознательно направлять и регулировать технологические и хозяйственные процессы. И вот эта-то ключевая характеристика поведения человека в производстве может испытывать величайшие колебания — от энтузиазма до инертности, обращаться и во вред делу (саботаж, хищения, преднамеренный развал работы).

От чего же зависит, чем определяется уровень и качество активности человека в экономической жизни? Почему примерно одинаковые по опыту, навыкам и т. п. люди (а то и просто одни и те же лица) могут работать либо с полной отдачей, либо "выполняка", стремиться раскрыть резервы производства, усовершенствовать его, или направить свою изобретательность на сокрытие возможностей, сопротивление ценным новшествам? Разумеется, многие особенности поведения вызваны индивидуальными свойствами. Но они имеют тенденцию усредняться для больших масс людей, нейтрализуя разнонаправленные черты индивидуального поведения. Анализ же экономической жизни в разных странах и в различные периоды показывает резкие отличия именно в усредненных стереотипах трудового и хозяйственного поведения. Главным источником таких различий является характер социально-экономического строя, конкретно-историческая стадия его эволюции (восходящая, нисходящая, застойная). Никто не может включиться в производственно-трудовой процесс, воспользоваться его результатами, не заняв определенного места в системе социально-экономических отношений. Они "снабжают" работников набором экономических стимулов (а также дестимуляторов), определяющих стереотипы трудовой и хозяйственной активности, интенсивность и качество работы. Социальные революции радикально изменяют характер трудовых мотиваций, как правило, резко повышают их действенность. Эволюционная же стадия социальной системы обычно отвечает в целом верной, хотя и огрубленной формуле "превращения из ускорителя в тормоз".

К началу перестройки наша экономика подошла в условиях глубокого длительного спада трудовой активности, ее уровня и качественного содержания. Повсеместно распространились инертность, безразличие к результатам, деградация профессионализма, расточительность, широкий размах мелких и крупных хищений, коррупция, сокрытие возможностей улучшения производства, приписки и очковтирательство при подведе-

нии итогов хозяйствования. Такое социально-обусловленное угнетение трудовой активности, низкое качество работы и ее результатов, становящееся привычным, отражают деградацию экономического потенциала, взятого в точном определении — совокупной способности народного хозяйства производить блага и услуги, отвечающие современным качественным требованиям. Соответственно, точным смыслом понятия "трудовой потенциал" является совокупная трудоспособность населения, выраженная в результатах работы, а не те характеристики работников (численность, профессионально-квалификационный состав, половозрастная структура, распределение по отраслям и т. п.), которые обычно применяют для косвенного отображения совокупной трудоспособности. Последнюю, разумеется, весьма нелегко измерить непосредственно, некоторой сводной величиной (скажем, потенциальным совокупным продуктом) или набором величин (потенциальными объемами производства всех видов благ, в наибольшей мере отвечающими структуре общественных потребностей). Но если страна не находится в полосе социально-экономического торможения, деградации потенциала, то замена прямых его измерителей косвенными, т. е. оценок "отдачи" сведениями о ресурсах, потенциальных результатов — фактическими, не мешает достаточно верным суждениям о действительных возможностях экономики, скорости ее роста, положении в мировом хозяйстве.

4. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Глубокие кризисные явления в нашей и других странах, претендовавших на социалистический путь развития, привели к ряду социально-политических переворотов, остро поставили проблему поисков выхода из экономического тупика и дальнейшей социальной эволюции. Обнаружились большие разночтения в самом понимании социализма, а стало быть, и в оценке сложившегося общественного строя, и в квалификации курса дальнейшего движения. Социалистический или несоциалистический путь означает перспективу оздоровления экономики? Это имеет самое прямое касательство к трудовому потенциалу и трудовым отношениям, ибо все социалистические доктрины ставят в центр внимания общественное положение человека труда.

Ключевой пункт различения социально-экономических систем, способов хозяйствования можно выразить через фундаментальное трудовое отношение — между работниками и работодателем. В качестве последнего выступает индивид или коллектив (группа лиц, социальный институт, учреждение и т. д.), который своими решениями регулирует доступ работников к труду, его условиям (средствам производства) и результатам (продукту, доходу). Коль скоро всякая хозяйственная деятельность включает в себя соединение работника со средствами производства ради достижения полезного результата, то ясно решающее значение социальной фигуры работодателя. В его руки попадает не только социальная самореализация трудоспособных членов общества (возможность занять положение работника в том или ином занятии, проявить себя, добиться признания) и их благосостояние, но и само физическое выживание. Источником этой власти над работниками служит другой комплекс экономических полномочий — отношения собственности на средства производства, возможность выбирать по своему усмотрению характер употребления хозяйственных благ, разрешать или запрещать другим лицам, социальным институтам и т. д. доступ к имуществу.

В качестве работодателей выступают именно собственники условий производства, либо их уполномоченные (управляющие, арендаторы и т. п.). Немаловажными компонентами трудовых отношений являются также взаимодействия "одноименных" персонажей (работников или работодателей), особенно существенные в экономиках, где преобладает совместный труд и коллективы работодателей. От характера этих "внутривидовых" отношений (разрозненность или солидарность, конкуренция или соглашения, сговоры, вплоть до прямых объединений вроде профсоюзов, картелей и т. п.) во многом зависят эффективность хозяйствования, уровень социальной напряженности и т. д.

Власть работодателя над работником, как показывает опыт истории (к сожалению,

не только древней), может достигать огромных масштабов, вплоть до полного подавления личности, низведения работника на роль "говорящего орудия" чужой воли. Работодатель здесь не только "ставит" исполнителей на работу всецело по своему усмотрению, но и отбрасывает их прочь по прошествии надобности, подобно обращению с неодушевленными факторами производства. Это — самый прямой (и, думается, наиболее точный) смысл понятия "эксплуатация человека человеком".

Несмотря на неоднократные, вплоть до нашего времени, рецидивы жестоких форм эксплуатации — насильственное принуждение к труду, каторжные режимы работы, безжалостное лишение "ненужных работников" доступа к средствам существования — преобладавших в эпохи рабства, крепостничества, раннего капитализма, поступательное развитие производительных сил выявило нарастающую несовместимость такой эксплуатации с прогрессом экономики, приемлемым качеством результатов производства. Гуманизация трудовых отношений все заметнее выступала как объективное требование нормального хозяйствования, его технического совершенствования, повышения эффективности. Интеллектуализация труда пробуждает самосознание работников с его императивами свободы и равноправия всех членов общества. Содержательное обогащение делает трудовые занятия самоценностью, а не только средством жизнеобеспечения. Поэтому все болезненнее воспринимается отлучение от труда по произволу работодателей. Декларация ООН 1948 г. включила право на труд в число неотъемлемых прав человека — важное признание моральной несостоятельности эксплуататорских социальных систем в современном мире.

Издавна складывались два подхода к гуманизации трудовых отношений — консервативный (либеральный) и радикальный (социалистический). Первый сводится к смягчению форм и "правил" эксплуатации работников работодателями (ограничение произвола последних, признание прав трудящихся на самозащитные действия, правовая регламентация условий трудоустройства, режима работы, ротации кадров, пособия отлученным от труда и т. д.), при сохранении ее принципиального каркаса — расчленения общества на хозяев — работодателей (они могут по своему усмотрению выступать и в роли работников) и людей, чье функционирование в качестве работников возможно лишь с их разрешения. Социалистический же подход состоит именно в устранении этого социального раскола посредством соединения функций работника и работодателя, приобщения каждого члена общества к обоим этим социальным ролям.

Такое соединение — отнюдь не плод голого теоретизирования социалистических идеологов. Оно издавна широко практикуется в экономике в разных формах, прошедших многостороннюю проверку на жизнеспособность. Простейший массовый пример — мелкое производство, индивидуальная трудовая деятельность самостоятельных хозяев-работников (крестьян, ремесленников, торговцев и т. д.). Отнюдь не новость также разного рода коллективные хозяйства (артели, товарищества, кооперативные предприятия — последние могут достигать крупных размеров), основанные на общем владении производственным имуществом и совместном труде их участников. Если такого рода единоличные и коллективные хозяйства не привлекают "неполноправных" членов (отлученных от функций собственника и работодателя), то они являются заведомо неэксплуаторскими, полностью вписываются в экономический строй социализма. Последнему, стало быть, присущ плюрализм форм собственности и способов организации хозяйства. Что же касается самой практики соединения функций работодателя и работника, то она, пожалуй, превалирует среди работодателей во всех экономиках, включая и эксплуататорские. Скорее исключением, нежели правилом, является праздный, чисто паразитический образ жизни хозяев производства, самоустранение от такого производительного занятия, как управленческие функции (оно наблюдается обычно в периоды загнивания и разложения уходящих в прошлое социальных систем).

Обращаясь к трудовым отношениям социализма, отметим, что в крупных хозяйственных системах (независимо от формы собственности) разделение труда необходимо выделяет категорию лиц и служб, специально занимающихся подбором и расстановкой работников, управлением трудовыми процессами (руководители производства, отделы

кадров, бюро по трудоустройству и т. д.). Иными словами, действуют объективные факторы, направленные на обособление повседневных функций работодателя и работника-исполнителя. И хотя было бы глубокой ошибкой смешивать, отождествлять технико-экономические функции участников производства с их социальным положением*, названное обособление действительно способствует узурпации хозяйского положения управленцами и отлучению массы работников от функций хозяина-работодателя, т. е. воскрешению эксплуататорских отношений уже после изгнания прежних господ-капиталистов. Их социальную нишу захватывает партийная, государственная и хозяйственная бюрократия. Система экономических отношений социализма не реализуется в самом главном своем звене. Именно такой оборот и приняли события в нашей и некоторых других странах. Специфика мотиваций и стереотипов хозяйничания бюрократии, вырвавшейся из-под контроля собственников, с большой силой толкает экономику к упадку и разрухе.

Думается, нынешний кризис — результат не социализма, а его неосуществления. Социалистическое противоядие бюрократической диктатуре над трудящимися тоже не надо изобретать заново. Все дело в том, чтобы реально подчинить самих специалистов по управлению хозяйством и "расстановке кадров" общему порядку их рекрутирования и ротации демократическим волеизъявлением трудящихся. "...Всеобщее избирательное право должно было служить народу ..., для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю" [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 344]. Демократизация не так уже немислимо сложна, нереальна, чтобы невозможны были успешные попытки ее использования для возрождения экономики. Однако наша бюрократия оказывает ей действительно ожесточенное сопротивление. И именно это ставит под вопрос социалистический курс экономического обновления.

Разумеется, приведенное положение К. Маркса не следует понимать буквально — как немыслимо громоздкую процедуру всенародного референдума о приеме или увольнении каждого рабочего и бухгалтера. Как и во всякой экономике, надобность в выходе на авансцену собственника-работодателя, будь то единоличного или коллективного, возникает лишь от случая к случаю ("управление по отклонениям" от нормального, рутинного течения текущих дел). Например, для решения вопросов о наивысших "надсмотрщиках", "капитанах экономики", для анализа и решения экстраординарных задач по крупным поворотам, маневрам экономической политики, установления самих "правил игры". Во всех рутинных случаях вполне достаточно взаимоприемлемых соглашений между претендентами на рабочие места и представителями производства. Это — аналог старой, эффективной процедуры спроса-предложения, в данном случае — рынка труда. Ее использование — вовсе не синоним господства работодателя над работником, не "прямой путь к капитализму". И, наоборот, засилье директивно-управленческих механизмов хозяйствования и трудовых отношений — не гарантия, как показал печальный опыт, против эксплуатации человека человеком.

* * *

Таким образом, вопрос о НБ неправомерно связывать только с его материальной стороной, в том числе и с благосостоянием составляющих общество людей, при всей важности последнего. Не хлебом единым жив человек. Вся деятельность по накоплению, изменению структуры и, пожалуй, особенно — по распределению богатства должна быть направлена на совершенствование человеческих отношений в обществе, его гуманизацию. Эту задачу необходимо всегда иметь в виду при разработке нового экономического механизма в стране, мер по демократизации социалистического государства.

*Так, директор частной фирмы по своему социальному статусу нередко является наемным работником, а ее хозяин "верховный работодатель" может занимать какой-либо другой пост или вообще не работать в своей фирме.

Вопрос о национальном богатстве — важный и неотъемлемый аспект общего вопроса перестройки, создания демократического, гуманного социализма в нашей стране.

Итак, выделим следующие основные, решающие факторы решения этой проблемы, факторы роста НБ страны:

природа (земля — мать богатства, по выражению У. Петти);

накопленный капитал, т. е. в наших условиях — производственные основные и оборотные фонды;

интеллект членов общества, обновляющий технику и технологию общественного производства;

производительный труд членов данного общества (труд — отец всякого богатства, как считал У. Петти);

система функционирования экономики, организующая и направляющая все эти созидательные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии. Т. 1. М.: Прогресс, 1980.
2. *Бухвальд Е., Несеров Л.* Проблемы воспроизводства общественного богатства. М.: Наука, 1984.
3. *Вайнштейн А.Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М.: Наука, 1960.

Поступила в редакцию
9 X 1990